

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ

ЗАМЕТКИ
ПИСАТЕЛЯ

ВСЕ ДАЛЬШЕ и дальше от нас день Великой Победы в мае сорок пятого... Этой весной мы будем праздновать тридцать седьмую годовщину! Самому младшему из участников войны сейчас подкатывает к шестидесяти. Поистине праздник «с сединою на висках», как поется в одной популярной и очень хорошей песне — «День Победы».

Да, с этого дня прошла, пожалуй, уже половина человеческого века, но праздник не угас, не постарел. Он стал, пожалуй, еще праздничней, еще значительней, еще ярче...

Для меня год восемьдесят второй — дата знаменательная: будет сорок лет со дня первого боя, принятого подо Ржевом. Наверное, поеду туда, к тем несуществующим уже деревням, которые брали, брали и не смогли взять, к тому огромному, поначалу заснеженному, а потом уже желтому от прошлогодней стерни полю, по которому бежал, падал, опять бежал, а со мной бежали другие, тоже падавшие, но не все поднимавшиеся... Сколько было их?

Казалось бы, не стоит в преддверии праздника вспоминать о тяжелом, но солдат гордится не только победами, но и теми тяготами, которые испытал на пути к победе. Эти слова Суворова недаром повторил Твардовский в одном из своих выступлений. Испытал и — преодолел!

И, размышляя сегодня об этом, невольно возвращаешься мыслями к своей предвоенной службе в Красной Армии на Дальнем Востоке, где позавчера был Хасан и только вчера Халхин-Гол, где на праздничных парадах мы шагали вместе с воздушными десанниками, участниками боев в братской Монголии, грудь которых была украшена правительственными наградами, к своим однополчанам и к одному из них —

Илье Лапшину. Вот что писал он в марте сорокового года:

На карте, видишь, много городов,
На карте, видишь, мало до границы.
За этот край ты должен быть готов
Идти в любое время биться.

А это значит — бей и попадай
В далекую мишень на полигоне.

В поход иди. И ветер принимай
Дальневосточный, с полного разгона.

Чтоб защитить свою Москву, свой дом,
Заводы и железные дороги —

Швыряй гранату и колю штыком,
И вскакивай ногами по тревоге!

Я привел здесь эти давние строки, чтоб показать, как наше поколение, предчувствуя войну, совершенно сознательно готовило себя к ней. Готовило и физическую закалкой, готовило и морально.

И это ощущение грядущей войны пронизывало все в нас... Я мало писал стихов в юности, не пишу их и сейчас, но, помнится, одно, тоже сорокового года, написанное во время маневров, где как-то очень ясно представилась будущая Отечественная война:

Может быть, впереди ожидают уж нас
Свернувшей сталью — снаряды,

И ужас раскрытых, невидящих глаз
И холодное слово — надо!

Вот это «холодное», как я тогда называл, обязывающее слово «надо» появилось в нашем сознании уже перед войной.

И вот почему, совершенно естественно, на второй день Великой Отечественной войны у штаба нашего полка образовалась длинная очередь, а перед этим, вечером, в Ленинской комнате, склонившись над листками бумаги, мы выводили неровные строчки: «Прошу командование направить меня на запад, в действующую армию...»

Незабываемы были вечерние полковые поверки, когда на плацу выстроен весь полк,

оркестр играет «вечернюю зорю», и ты стоишь в строю, один из двух тысяч бойцов, ощущая свою неразрывную связь с этой массой людей, и какой-то восторг единения со всеми обуревают тебя, и, кажется, скомандуй сейчас комполка — в атаку! — и ты бросишься в нее, забыв обо всем. Наверное, еще тогда зрела в нас убежденность в непобедимости нашей армии, а вызрев, не покинула и в самые тяжелые дни войны. А убежденность эта стоила многого. Если у гитлеровской армии уверенность в победе была поколеблена уже во время разгрома под Москвой, то нас она не покидала и тогда, когда противник стоял в тридцати километрах от столицы. Вот один из истоков нашей Великой Победы!

Один из литераторов, прочтя рассказ «На поле Овсянниковском», упрекнул в том, что я пишу так, как будто бы не было победы, не было нескольких десятков лет, прошедших после нее, что, дескать, это неверно, потому что мы сейчас уже многое знаем, чего не знали тогда. Я не согласился с этим литератором. Кабы перед нашими глазами маячил тогда сожженный рейхстаг — другие бы были чувства, другие были ощущения. Нет, тогда мы еще ничего не знали. Победа была еще в очень туманном далеке. И чтобы не нарушить правды именно того времени, мне пришлось, и не без труда, отринуть все свои «знания», позабыть о них, а знать только то, что знал мой герой в том самом сорок втором году.

Уверен, что встречу возражения. Да я и не настаиваю на этой своей точке зрения, но все же думается, что писать о войне надо оттуда, из того времени. Наверное, и читателя все же больше интересует, что думал и чувствовал человек на войне, чем то, что думает об этом автор сейчас.

ВОЙНА и литература... Наша военная проза — уникальнейшее явление во всемирной литературе. Мы знаем романы нескольких авторов о первой мировой войне. У нас же целая плеяда писателей, пишущих только о войне! И такое в истории литературы — впервые!

И сделано нашей военной прозой неимоверно много... Но убежден, что сказано еще далеко не все. Кто-то писал, что «Война и мир» уже написана гвардейской бригадой военных прозаиков и нечего ждать нового Толстого — все, дескать, уже сделано и без него. Наверное, эти перехлесты и вызваны как раз огромностью работы, проделанной нашей военной прозой, но спросите любого ветерана: «Все ли написано о войне?» — и он ответит: «Нет, не все».

Будут ли открыты новые имена и появятся ли новые произведения об Отечественной войне? Уверен, что да! Вот во втором номере «Дружбы народов» за 1982 год новое имя — Алек-

сандр Круглов и первая опубликованная повесть «Отец».

Уверен, и эту уверенность подкрепляют письма читателей, что многие ветераны пишут свои воспоминания или уже написали. Из того, что довелось читать, видно — в воспоминаниях истинного участника войны попадают такие «куски» настоящей солдатской правды, которую не выдумать ни одному писателю. Давно говорю и пишу — собирать и хранить вечно надо эти рукописи, строки подлинной истории, ими надо очень дорожить. А вот лежат воспоминания начальника штаба знаменитого Кутеповского полка, и не знает он, куда их послать, где опубликовать. Может быть, стоит подумать о создании ежегодного альманаха, где нашли бы место воспоминания рядовых и нерядовых участников войны. Пользуясь случаем, пишу, чтобы призвать подумать «всем миром» об этом безотлагательном деле, о котором писал и говорил Константин Симонов.

О ЧЕМ ДУМАЕШЬ еще в преддверии праздника Победы, встречать который приходится нам в сложной и напряженной международной обстановке? Выполнила ли наша военная литература свой священный долг, воспитав на примерах Отечественной войны глубокий и подлинный патриотизм в новых поколениях? Воспитывать может только правда, а главные книги о войне правдивы. Они показали, что война — тяжкий, постоянный труд, кровь и смерть, но — и в этом отличие ее от литературы о войне зарубежной — главные книги нашей военной прозы показали и взлет человеческого духа, показали, что человечность не покинула советского солдата в бесчеловечной войне, в жестокой, не только военной, но и идеологической схватке с фашизмом. Мы не были ослеплены ненавистью настолько, чтобы не видеть разницы между фашизмом и немецким народом, и мы не мстили этому народу.

Сейчас перед нами восьмидесятые годы. Почти все писатели фронтового поколения вышли, так сказать, на финишную прямую. Наши ряды, увы, редеют. Какова же наша ответственность именно сейчас, какого же накала правда должна содержаться в них, этих словах!

Великий советский народ, выдержавший под руководством партии Ленина жесточайшую войну и победивший в ней, достоин такой же великой правды о своем подвиге, правды суровой, неподкупной, которая порой сбивает нас — что прошло, то стало мило — слезливостью лирических воспоминаний о поре юности. В минувшей войне не было ни одного дня, которого можно стыдиться ее участникам, который можно вычеркнуть из народной памяти. Каждый день войны был подвигом — и день поражения, и день победы. Они равновелики в одном — люди дрались за свою Советскую Родину, и в сорок первом, и в сорок пятом! А умирать было страшно в любой день войны...

Наступившие восьмидесятые потребуют от нас и напряженной работы, и поисков новых форм, и еще более полного и глубокого выражения времени, и постижения его. Это неизбывное ощущение человека пишущего. Оно и заставляет с утра садиться за письменный стол и прописывать дни, а порой и ночи, являя каждое, тоже вроде необходимое дело, отрывающее тебя от стола...

Мне хочется закончить стихами того же Лапшина, погибшего в сорок третьем. Это его последнее стихотворение. Оно называется «Пройдет война».

Мы будем вздрагивать и вскакивать ногами,
Мы будем с нежностью смотреть на нательок,
Ощупывать дрожащими руками
Орудия заржавленный замок...
Война вошла нам в кровь
Неистово и бурно,
В душе крича «В атаку!» и «Ура!»...